

Известия Южного федерального университета.
Филологические науки. 2021. Том 25, № 2
ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 8.085

ББК 80.7

DOI 10.18522/1995-0640-2021-2-100-112

РУССКИЙ ПОЛИПТОТ: ГРАММАТИЧЕСКАЯ ФОРМА И РИТОРИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ

Г.Г. Хазагеров

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону

Аннотация. Статья лежит в русле большой темы – национальной специфики функционирования риторических средств. В данном случае речь идет о такой риторической фигуре, как полиптот, т.е. повторе слова в разных падежах. Полиптот рассматривается нами одновременно как риторическое и грамматическое явление. Как риторическое явление он соотносится с другими видами риторической амплификации. Как явление грамматическое он соотносится с разными способами выражения категории плюральности.

В работе утверждается, что русский полиптот может быть сведен к четырем основным типам: интенсивному, экстенсивному, контрастному и полиптоту, задающему множество. Последний тип описывается впервые. В основе типологии лежит система двух дифференциальных признаков: замкнутости и интенсивности. Наиболее богат оттенками значения интенсивный полиптот, внутри которого можно выделить суперлативный и рефлексивный подтип. Экстенсивный полиптот тождественен фигуре эпимона и наименее интересен в смысле выражения падежных значений. Контрастный полиптот сближается с антитезой, в частности с диафорой. Полиптот, задающий множество, наиболее интересен и перспективен с исследовательской точки зрения.

Ключевые слова: *падеж, плюраль, полиптот, риторика, грамматика*

Объем понятия «полиптот»

Риторические средства в целом можно охарактеризовать как панхроничные и транснациональные. Однако в каждом отдельном случае зависимость от национального языка и культуры проявляется в них по-разному. Особенно сильно она ощутима там, где в использовании фигуры участвуют грамматическая категория и грамматическая форма, а сама фигура широко представлена в фольклоре. Таков, в частности, полиптот. Вот почему статья названа «русский полиптот».

Под полиптотом мы понимаем риторическую фигуру, в которой слово повторяется в разных падежах: *брат восстал на брата; рука руку моет*. Такое понимание соответствует этимологии термина [Дворецкий, 2, 1958, с. 1349], который иногда и передается русским словом «многopaдежье». Эта трактовка достаточно укоренена в отечественной лингвистической традиции [Ахманова, 1966, с. 334 – 335; Гаспаров, 2001б с. 756:

Хазагеров, Ширина, 1999, с. 261; и многие др.]. Аналогичным образом толковал полиптит и Квинтилиан в третьей главе девятой книги своего знаменитого сочинения [Quintilian's, 1909, p. 193].

В другой трактовке полиптит отождествляется с корневым повтором: *судья неподсуден; чудь начудила, да меря намерила* (Блок). Такое понимание сближает его с тавтологией и паронимазией. Нелишним будет заметить, что это толкование получает распространение там, где разница между словообразованием и словоизменением не имеет заметного материального выражения, вследствие чего выделение полиптита из числа так называемых этимологических фигур несущественно. С таким определением полиптита мы встречаемся в англоязычных источниках [Lanham, 1968, p. 78; Polypiton; и др.]. Классические же языки были флективны, и поэтому выделять фигуры именно с падежными формами было релевантным для классической риторики, где наряду с полиптитом выделялся, скажем, гомеоптитон (равнопадежье).

Другое расширенное толкование полиптита включает повторы не только падежных форм слова, но и любых словоизменительных форм [Береговская, Верже 2000; Клюев, 1999]: *длиннее длинного; был и будет*. Вообще же тенденцию расширенного толкования этой фигуры можно проследить в истории риторики еще со времен Беды Достопочтенного, что и сделал филолог-классик Генрих Лаусберг [Lausberg, 1960, p. 325 – 326], к которому отсылаем любопытных читателей.

Можно осторожно предположить, – но это выходит за рамки данной статьи, – что, помимо флективности, фактором, влияющим на широкое понимание полиптита, является и упадок полемических жанров риторики с преобладанием жанров эпидейктических. Дело в том, что полиптит в узком значении, принятом нами, – фигура, актуализирующая мысль, что не всегда свойственно паронимазии, тавтологии и вообще этимологическим фигурам, сдвигающим внимание в плоскость «языковой игры».

Мы же сосредоточиваемся в этой статье на полиптите как факте русского языка. Любопытно, что Д. Флеминг, изучавший полиптит в исконном значении, отмечает, что древний полиптит-суперлатив (выражения типа «царь царей» или «песнь песней») встречается только в древних текстах на английском языке [Fleming, 2012, p. 229 – 252]. В русском же языке эта конструкция узнаваема и продуктивна. Все это вдохновляет нас на специальное описание многопадежья.

Итак, примем трактовку полиптита, афористически сформулированную в анонимном латинском трактате «*Стихи о фигурах речи*» [перевод М.Л. Гаспарова]:

Многопадежье – когда слово то же, а формы не те же:

«Ты разумнее всех, тебя о совете мы просим,

Все послушны тебе, и с тобой идем мы к победе» [Стихи, 1982, с. 438].

Предлагаемая типология

Узкое понимание полиптиота позволяет нам увидеть достаточно четкую картину его риторических и грамматических свойств. Назовем четыре типа полиптиота, которые мы будем описывать ниже.

1). Интенсивный полиптиот, который выражает суперлативность: *книга книг* (величайшая из книг).

2). Экстенсивный полиптиот, в котором навязчиво повторяется одна лексема. Именно таков полиптиот с местоимением «ты» в приведенном выше латинском стихотворении.

3). Контрастный полиптиот: *человек человеку волк*.

4). Собирательный полиптиот, задающий представление о некотором множестве: *коробка на коробке*.

Интенсивный и экстенсивный полиптиоты лежат на оси накопления семантики по интенсивному или экстенсивному типу соответственно. Первый обнаруживает тяготение к плеоназмам, второй – к повторам. Контрастный и собирательный полиптиоты лежат на оси расщепления семантики, первый – по принципу противопоставления, второй – объединения. Первый тяготеет к антитезам. Второй тип практически не изучен. Мне приходилось лишь упоминать о нем в связи с грамматическими свойствами амплификаций [Хазагеров, 2020].

Рассмотрев каждый тип отдельно, мы сведем их в единую систему, которая сделает мир полиптиотов обозримым и прозрачным.

Интенсивный полиптиот

Этот полиптиот экспрессивно выражает либо суперлативность, либо рефлексивность.

Что означает суперлативность применительно к имени существительному? Она предполагает рассмотрение предмета с точки зрения градуальности, а это в свою очередь требует рассмотрение его с точки зрения признаковости. Песня может быть настоящей песней, подлинной песней – такой песней, в которой «песенность» (признак) выражается самым полным образом. Мы можем охарактеризовать эту песню как самую лучшую из всех песен. В последнем случае мы получим настоящий суперлатив (или элатив, что для нас несущественно). Рассмотрим следующие высказывания.

Это самая лучшая из песен.

Это всем песням песня!

Это песня из песен!

Вот песня так уж песня!

По смыслу эти выражения приблизительно эквивалентны, но различаются экспрессией. С риторической точки зрения, в первом предложении фигур нет. Во втором и третьем мы имеем полиптиот, соответственно, с дательным и родительным падежом, в четвертом – так называемую плоку. Значение «самая лучшая из всех песен» имеет и библейский полиптиот «песнь песней», который Флеминг назвал родительным суперлатива.

Само по себе присутствие родительного падежа с определительным значением при имени удивить нас не может: *Песню дружбы запекает молодежь* (Е. Долматовский), «*Песни Невинности и Опыта*» (У. Блейк). Однако если в позицию определения поставить само определяемое слово или его производную, получится нечто тавтологическое – «масло масленое». Но совсем другой эффект возникнет, если мы используем полиптон: *песня песней*. Это уже не простая тавтология. В нем выражен смысл «выбор из ряда», что особенно заметно в предложных формах: *песня из песней, герой из героев, друг из друзей, книга из книг, чемпион из чемпионов*. Вот почему «масло масленое» стало обозначением праздной тавтологии и само выражение имеет статус шутки, а *песнь песней, суета сует, царь царей, святая святых* – статус высокого стиля, и пришли они в язык из Библии, а не из работ, посвященных языковой игре и широко использующих газетные заголовки.

Вернемся к плоке, когда повторяются слова в одном падеже, и это синтаксически отлично от лексического повтора, потому что не содержит сочинительных отношений. Ср.: «Работай, работай, работай» и «Работа есть работа». Иногда эту фигуру называют диафорой (и мы вернемся к этому названию), но в диафоре подчеркивается контраст, а в наших примерах, напротив, имеется тождество. Это видно в широко распространенной в разговорной речи модели «Х и в Африке Х»: *Чиновник и в Африке чиновник*. Функционально это близко к полиптоту. Ср.: *Это был отдых так отдых!* или *Вот это специалист так уж специалист!* суперлативность выражена так же отчетливо, как в обороте «песнь песней» или «песня из песней»: *отдых отдыхов, отдых из отдыхов, специалист из специалистов*.

В последнее время не без влияния английского языка в русском получили распространение биномы типа «ужас-ужас» (впервые появилось в анекдоте и сделалось мемом) в значении «подлинный ужас»: *Это, конечно, ужас, но не ужас-ужас*. О стоящей книге можно услышать: «*Ну это прямо книга-книга*». Пока это только сленг. *Учитель-учитель* – это настоящий учитель, включая и черты, осуждаемые говорящим, такие, как придиричивость, строгость, морализаторство: *Ну он совсем учитель-учитель!*

Это новое явление не совсем ново: в области глагольных форм оно хорошо знакомо русскому языку. *Гулять так гулять!* означает «если гулять, так гулять с размахом». Вообще же редупликация со значением интенсивности может употребляться и с прилагательными: *синий-синий*. При этом может использоваться и аугмент: *синий-пресиний*. Ср. у Сергея Михалкова: *Нам купили синий-синий Презеленый красный шар!* В таких примерах с качественными прилагательными суперлатив выступает в своем первоизданном виде как степень сравнения.

В мире полиптотов-суперлативов особое место занимает творительный усиления. Обычно это выражения с отрицательной коннотацией, такие, как *дурак дураком, болван болваном*. Они тяготеют к фразеологии и функционально сближаются с тавтологическими глагольными кон-

струкциями: *ливмя лить, кипмя кипеть, кишмя кишеть*. В этом и только в этом случае граница между полиптом и этимологической фигурой становится проницаемой.

В отличие от конструкций с родительным падежом сама «падежность» (значение падежа) играет в творительном усилительном меньшую роль, чем формальное сходство слов, можно даже сказать, чем фонетический состав слов. Современный носитель языка скорее опознает деепричастие в слове «ливмя», чем станет искать смысл творительного падежа в выражении «идол идиолом». Скорее всего он почувствует здесь простую тавтологию, как в выражении *горе-горькое*. Интенсивность достигается редупликацией и получается нечто вроде «дурацкий дурак», т.е. именно этимологическая фигура, вид корневого повтора.

В принципе выражение *осёл ослом* можно достроить до предложения вроде *Осёл останется ослом, хотя осыпть его звездами*. Но связь между предложениями *А он слушал ее осёл ослом* и *Он оставался ослом, слушая ее* не слишком прозрачна для носителей языка. Конечно, мы можем провести прежние рассуждения. Возьмем предложение *Он был молодцом*, Поставим вместо местоимения «молодца», как мы подставляли «песню»: *Молодец был молодцом*. Или просто: *молодец молодцом*. Но определительное значение творительного падежа предполагает сказуемость, а в отсутствие сказуемого его восполнение способно запутать носителя языка. Так возникает сближение с тавтологией, которого нет в словосочетании *герой из героев*, где смысл родительного падежа для говорящего по-русски прозрачен.

Сближение с этимологической фигурой можно почувствовать в предложении: *Игра игрой, но надо дело делать*. В первом случае перед нами полиптот, во втором – типичная этимологическая фигура, но особой разницы между «игра игрой» и «дело делать» мы не чувствуем.

Обратимся теперь к полиптому рефлексивности.

Проиллюстрируем его названием двух известных книг: «*Слово о словах*» и «*Язык о языке*». Рефлексивность – это направленность на себя: слово произнесено о словах же, язык описывает сам себя. Здесь всегда можно вставить местоимение «сам»: *война (самой) войне, страх (самого) страха*.

Рефлексивность связана с суперлативностью тем, что тоже выделяет предмет из ряда обычных явлений: это не обычный язык, а язык о языке, не обычная война, а война, объявленная войне. Здесь, однако, часто присутствуют оттенки других значений – транзитивности и «второго порядка». Последнее проявляется там, где нет глагольности. В выражении *страх страха* она есть (существует глагол «страшиться»), также и в *война войне* («воевать»). Но *язык о языке* есть язык второго порядка. *Справочник справочников, каталог каталогов* – все это явления второго порядка и т.п.

В математике, где логические связи эксплицированы, концепт второго порядка самоочевиден: *производная от производной* и есть производная второго порядка, вторая производная. Только сумасшедший ма-

тематик подумает, что оборот «функция от функции» – это языковая игра для увеселения студентов. Еще и еще раз хочется подчеркнуть, что полиптот относится к сфере логики и грамматики, а не фонетики и игры слов. Это выделяет его из числа корневых повторов.

«Второй порядок» бывает связан с транзитивностью: *Вассал моего вассала не мой вассал; друг моих друзей.*

Рефлексивность может передавать идею воздаяния (своего рода транзитивность во времени):

Око за око, зуб за зуб.

Экстенсивный полиптот

Если полиптот предыдущего типа интенсифицирует значение лексемы, то экстенсивный полиптот расширяет пределы ее употребления, повышает удельный вес лексемы в отрезке текста. Вот четверостишие из стихотворения Эдуарда Багрицкого:

*Я мстил за Пушкина под Перекопом,
Я Пушкина через Урал пронес,
Я с Пушкиным шатался по окопам,
Покрытый вшами, голоден и бос.*

Имя Пушкина повторяется в разных падежах. Какой эффект этим достигается? Этот эффект можно суммировать словами: «Пушкин повсюду, он всегда присутствовал в моей жизни». Этот пример – хороший урок редакторам, не чувствующим текста и механически требующим заменять повторяющиеся слова синонимами. В данном случае это привело бы к явной несуразности.

В риторике эта фигура речи носит название «эпимона». Этимологически это слово означает «упорство, постоянство» [Дворецкий, 1958, т. 1, с. 624]. Исследователи сближают эпимону с плеоназмом [Копнина, Сковородников, 2003, с. 780 – 781]. Внешне она похожа на повтор и слилась бы с ним, если бы слова стояли в одном падеже и преобладали сочинительные отношения. Но вариантность падежей вносит в повтор новый смысл: он перестает быть механическим повторением одного и того же, но производит приращение смысла, что и позволяет отнести это явление к амплификации, а не к собственно фигуре.

Даже сухая эпимона без «Перекопа» и «Урала», сводящаяся к простому перечислению членов парадигмы, отлична от обычного повтора, как это мы видим у Высоцкого:

*И склоняю как школьник плохой:
Колею – в колее, с колеей...*

Лирический герой клянет колею, но остается в колее и с колеей. Колея владеет его мыслями и его судьбой.

А вот еще менее распространенная эпимона со словом «судьба». Это заключительная строка из песни Булата Окуджавы:

Судьба, судьбы, судьбе, судьбою, о судьбе.

Все грани судьбы, все ее грамматические и фактические роли в жизни лирического героя суммируются в финале стихотворения.

В целом экстенсивный полиптит еще менее похож на паронормазию, чем интенсивный.

Контрастный полиптит

Контрастный полиптит можно назвать полиптитом сопоставления и противопоставления, потому что, как и в случае антитезы, эти явления трудно отделить одно от другого. Контраст возникает внутри лексемы, а падеж выступает в роли катализатора контраста. Так, в знаменитой строке *Но человека человек послал к анчару властным взглядом* для читателя очевидно, что речь идет о разных людях. При этом роли агенса и пациенса актуализируют это различие: посылает хозяин – подчиняется раб. Но присутствует и отождествление: оба они люди, и это составляет внутреннюю драму стихотворения Пушкина. Такая же внутренняя драма свойственна латинской пословице *Человек человеку волк*.

Не всякий контрастный полиптит подчеркивает антагонистические отношения. В пословицах *Рыбак рыбака видит издалека*; *Ворон ворону глаз не выклюет* или в девизе *Человек человеку друг, товарищ и брат*, напротив, подчеркивается солидарность. Однако основа все та же: два разных референта одной лексемы выражают контраст, а падежные отношения его подчеркивают: один рыбак – субъект, другой – объект.

При контрасте в некоторых случаях даже трудно решить, что имеет место: противопоставление или сопоставление, как в выражении *Вору вора дубинку украл*: с одной стороны, вор поступил по своей природе – украл, с другой – поступил против групповой солидарности: украл у вора.

То, что такие полиптиты тяготеют к фразеологии, не случайно. Подобные высказывания обнаруживают некие обобщенные отношения в мире предметов, имеющих одинаковые названия. Как и следующая группа, антитестические полиптиты выражают отношения внутри множества.

В связи с этим типом полиптита снова возникает тема диафоры, на этот раз диафоры контраста, как в ленинском выражении *Есть компромиссы и компромиссы*, которое в советское время было фирменным знаком диафоры. Диафора-антитеза – это принципиально другой случай, чем диафора на службе плеонастичности. Ср: *Есть выходной и выходной* и *Выходной есть выходной*.

Если отталкиваться от антитезы, можно получить следующую градацию: чистая антитеза, парадокс (антитеза внутри синонимического ряда), полиптит (антитеза в пределах разных форм одной лексемы), диафора (антитеза в пределах одной формы одной лексемы).

Полиптит описания множеств

Мы переходим к описанию самого сложного типа полиптита, связанного с категорией собирательности: *коробка на коробке, солдат за солдатом*.

Категория собирательности описывает множество как коллекцию предметов. При этом можно допустить, что предметы могут быть и однородными, а можно включать в эту категорию только разнородные предметы. Так, «связка ключей» или «колода карт» предполагают собрание разнородных предметов, хотя и имеющих общий признак, в то время как «упаковка косметических дисков» и «обойма патронов» предполагают собрание однородных, попросту одинаковых предметов.

Широко, включая однородность, понимал собирательность О. Есперсен, выделивший эту категорию в своей «Философии грамматики» [Есперсен, 1958]. Эта же точка зрения отражена в «Лингвистическом энциклопедическом словаре», где собирательность описывается как «совокупность однородных предметов», что отличает ее от обычной грамматической категории числа [Виноградов, 1990, с. 478]. При таком подходе собирательные существительные сближаются с синекдохой, носящей название *единственное родовое*. Иными словами, *лиса* (в значении «лисы») и «листва» (самые разные листья) попадают в одну группу: *Здесь водится лиса и заяц* (имеются лисы и зайцы) и *Под ногами лежит листва* (разные листья). Однако в «Академической грамматике» специально оговаривается: «Не относятся к собирательным существительные, употребляющиеся в формах единственного числа в собирательном значении» [Академическая, 1980, т. 1, с. 462].

Эти различия не имели бы для нас значения, если бы не широко распространенная в языках мира неполная редупликация, где биномы типа *шашлык-машлык*, *фигли-мигли* описывают именно неоднородные совокупности (примеры см.: [Реформатский, 1967, с. 289]). Этому явлению посвящено множество работ [Джафар, 1900; Адрианова, 2009; и мн. другие]. С нашей точки зрения, есть прямой смысл понимать собирательность как совокупность именно неоднородных предметов. Дело, однако, в том, что интересующий нас тип полиптата имеет и свойства однородности, и свойства неоднородности.

Когда мы говорим *коробка на коробке*, мы представляем себе одинаковые коробки или во всяком случае различия не мыслятся нами как существенные. Это однородное множество – *коробки* – плюраль счетного существительного, совокупность одинаковых дискретных предметов. Но пара, образуемая поставленными друг на друга коробками, служит моделью, по которой описывается все множество. Это нарушает однородность, так как одна коробка поставлена поверх другой, и эта неоднородность, собирательность существенна, поскольку именно она задает все множество (ни одно из слов «коробка» не имеет признаков множественного числа). Таким образом, «коробка на коробке» не равно «коробки». Полиптот выполняет определенную логическую и риторическую функцию. Семантически, логически мы видим, как сложены коробки. Риторически мы чувствуем, что речь идет о каком-то нагромождении.

Собирательность вообще связана с экспрессивностью (почему и не стоит отождествлять *братву* с *братьями*). Экспрессивен и собирательный полиптит, являясь полноценным риторическим средством.

Приведем примеры из поэтической речи:

*На пороге едва помячили
И ушли за солдатом солдат* (Окуджава).

*За годом год, за вехой веха,
За полосой полоса* (Твардовский)

*Арбуз на арбузе, и трюм нагружен,
Арбузами пристань покрыта* (Багрицкий)

В первом примере мы как бы приостанавливаем камеру: вот один солдат следует за другим. Это похоже на оптический эффект замедляющего анадиплозиса (*«Повалился он на холодный снег, На холодный снег, словно сосенка»*). Но помимо замедленности здесь есть и ощущение бесконечности процесса. Ведь модель с полиптотом «один за другим» образует ряд, который может тянуться вечно. Второй пример взят из поэмы Твардовского, которая так и называется «За далью даль». В ней полиптот стал глобально функционирующим приемом: за каждой новой далью открывается следующая даль. В полиптотах этого типа может преобладать протяженность, а может фокусированность «камеры» на паре объектов:

*Колышется море; волна за волной
Бегут и шумят торопливо* (А.К.Толстой)

*Волна на волну набегала,
Волна погоняла волну* (Лермонтов)

В первом случае преобладает протяженность, во втором – оба полиптота сфокусированы на паре волн.

Вернемся к примеру, взятому из стихотворения Багрицкого. В нем собирательный полиптот «арбуз на арбузе» растворен в эпимоне – везде арбузы (все стихотворение также называется «Арбуз»). Здесь обнаруживается родство собирательного полиптота с фигурой, которая называется синатройсм («нагромождение»), и гиперболой.

У того же поэта мы встречаем «Черное море – вор на воре». Выражение «вор на воре» – это гипербола в виде своеобразной аллегорической картины. Ср.: *Дурак на дураке едет и дураком погоняет*. Здесь также имеется слияние фигуры и тропа в аллегорической картине. Но изначально это модель некоего гротескного множества, заданного тремя формами одного и того же слова: *дурак, на дураке, дураком*.

Выводы

Рассмотренные типы полиптота образуют замкнутую систему. Положенные в ее основание признаки ясно говорят о глубокой связи полиптота с грамматикой и логикой.

Системные связи в мире полипотов можно представить в виде следующей ниже таблицы.

Тип полипота	Замкнутость	Интенсивность
Интенсивный	+	+
Экстенсивный	-	-
Контрастный	+	-
Собирательный	-	+

Интенсивный и контрастный полипот (*герой из героев* и *человек человеку волк*) обладают свойством замкнутости. Первый за счет суперлативности, второй – антитетичности.

Интенсивный и собирательный полипот (*герой из героев* и *коробка на коробке*) обладают свойством интенсивности. Первый по определению, второй – благодаря мультипликативности.

Экстенсивный (эпимона) и собирательный (*коробка на коробке*) полипот способны образовывать открытые ряды, вследствие чего собирательный полипот может раствориться в эпимоне (*Арбуз на арбузе* и *вся пристань покрыта арбузами*).

Экстенсивный и контрастный полипот имеют то общее, что не интенсифицируют значение лексемы.

Экстенсивный и интенсивный полипот, как и собирательный и контрастный, имеют между собой минимум общих свойств.

Оппозиции, положенные в основу классификации, могут быть рассмотрены как привативные.

Русский полипот – прекрасный пример взаимодействия риторики и грамматики. И хотя этимологическая фигура, как и паронимазия вообще, обладает своим когнитивным потенциалом [Остапенко, 2010], было бы непродуктивно рассматривать русский полипот в одном ряду с паронимазией и этимологической фигурой. Продуктивным было бы монографическое описание полипота во всех его разновидностях, со всеми падежами и смысловыми нюансами, но это тема целого диссертационного исследования.

В заключение хочется сказать, что, хотя мы всячески подчеркивали «серьезность» полипота, он вполне может участвовать в создании комического эффекта, как, например, в интернет стишке:

*В дни депрессии Басё
Делал тигра их кисё,
Формируя черной тушью
Полосё за полосё.*

Комический эффект создается не только искажением русских слов на «японский» лад, но и самим полипотом, передающим то забавное упрощение, с которым герой стихотворения разрисовывает кота.

Литература

- Адрианова Д.В. (2009). Парные сочетания в славянских языках // Межкультурная коммуникация. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/parnye-slovosochetaniya-v-slavyanskikh-yazykakh-kak-potentsialnyy-material-leksikografirovaniya> (дата обращения 25.01.2021)
- Академическая грамматика (1980). М.: Наука. Т. 1.
- Ахманова О.С. (1966). Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия.
- Береговская Э.М., Верже Ж.-М. (2000) Занятная риторика. М.: Языки русской культуры. 152 с.
- Виноградов В.А. (1990) Собирательности категория // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия. С. 472 – 473.
- Гаспаров М.Л. (2001) Полиптон // Литературная энциклопедия терминов и понятий. М.: Интелвак. С. 756.
- Дворецкий И.Х. (1958) Древнегреческо-русский словарь. М.: Государственное изд-во иностранных и национальных словарей. Т. 1, 2.
- Джафар М. (1900) Об искусственном образовании парных слов (Reimwörter) // Н.Я. Янгук (ред.) Юбилейный сборник в честь В.Ф. Миллера, изданный его друзьями и почитателями. М., 1900.
- Есперсен О. (1958). Философия грамматики. М.: Изд-во иностр. литературы. 400 с.
- Клюев Е.В. (1999) Риторика (Инвенция. Диспозиция. Элокуция): учеб. пособие для высших учебных заведений. М.: ПРИОР. 270 с.
- Копнина Г.А., Сквородников А.П. (2003). Эпимона // Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник. М.: Флинта, Наука. С.780 – 781.
- Остапенко Т.С. (2010) Когнитивно-стратегический потенциал тавтологии: автореф. дис. ... канд. филол. наук. <https://www.dissercat.com/content/kognitivno-strategicheskii-potentsial-tavtologii> (дата обращения 25.01.2021).
- Реформатский А. А. (1967). Введение в языковедение. М.: Просвещение. 275 с.
- Стихи о фигурах красноречия (1982) // Поздняя латинская поэзия. М.: Худ. литература. С. 432 – 442.
- Хазагеров Г.Г. (2020) Грамматические корни риторической амплификации и их роль в убеждении и манипулировании // Жанры и формы коммуникации: материалы конф. Москва, 3-4 декабря 2020 г. М.: РГГУ. С. 13 – 40.
- Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С. (1999). Общая риторика: курс лекций. Словарь риторических приемов. Ростов н/Д: Феникс. 312 с.
- Fleming, Damian (2012). «Rex regum et cuninga cuning: ‘Speaking Hebrew’ in Cynewulf’s Elene». In Michael Fox; Manish Sharma (eds.). Old English Literature and the Old Testament. Toronto: U of Toronto P. P. 229–52.
- Lanham R.A. (1968) Handlist of Rhetorical Terms. Berkley and Los-Angeles.
- Lausberg Heinrich (1960). Handbuch der Literarischen Rhetorik. Eine Grundlagede der Literaturwissenschaft. München: Max Hueber Verlag.
- Polypoton // <https://en.wikipedia.org/wiki/Polypoton> (дата обращения 25.01.2021).
- Quintilian’s institutes of oratory or education of an orator. (1909). L.: George Bell and Sons. 474 p.

References

Academic grammar (1980). Moscow: Nauka. T. 1. (In Russian).

- Adrianova D.V. (2009). Binomial in Slavic languages. *Intercultural Communication* Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/parnye-slovo-sochetaniya-v-slavyanskikh-yazykah-kak-potentsialnyy-material-leksikografirovaniya> (accessed 25.01.2021). (In Russian).
- Akhmanova O.S. (1966). *Dictionary of linguistic terms*. Moscow, Sovetskaya Enziklopedia. (In Russian).
- Beregovskaya E.M., Verge J.-M. (2000) *Interesting Rhetoric*. Moscow, Yazyki Ruskoi Kultury. 152 pp. (In Russian).
- Gasparov M.L. (2001) Polyptoton. *Literary encyclopedia of terms and concepts*. Moscow, Intellvok. 756 p. (In Russian).
- Dvoretzki I. Kh. (1958) *Ancient Greek-Russian Dictionary*. Moscow, State publishing house of foreign and national dictionaries. Vol. 1. 2. (In Russian).
- Espersen O. (1958). *Philosophy of grammar*. Moscow, Publishing house of foreign literature. 400 p. (In Russian).
- Fleming, Damian (2012). "Rex regum et cyninga cyning: 'Speaking Hebrew' in Cynewulf's *Elene*". In Michael Fox; Manish Sharma (eds.). *Old English Literature and the Old Testament*. Toronto: U of Toronto P. P. 229–52.
- Jafar M. (1900) On the artificial formation of paired words (Reimworter). *N.Ya. Yanguk (ed.) Anniversary collection in honor of V.F. Miller, published by his friends and admirers*. Moscow. (In Russian).
- Khazagerov G.G. (2020) The grammatical roots of rhetorical amplification and their role in coercion and manipulation. *Genres and forms of communication. Conference materials, Moscow, 3-4 December 2020*, Moscow, Russian State Humanitarian University, 2020, pp. 13-40. (In Russian).
- Khazagerov T.G., Shirina L.S. (1999). *General rhetoric. Lecture course. Dictionary of rhetorical devices*. Rostov-on-Don, Fenix, 312 p. (In Russian).
- Klyuev E.V. (1999) *Rhetoric (Invention. Disposition. Elocution): Textbook for higher educational institutions*. Moscow: PRIOR. 270 p. (In Russian).
- Kopnina G.A., Skovorodnikov A.P. (2003). Epimona. *Culture of Russian speech. Encyclopedic dictionary-reference*. Moscow, Flinta, Nauka, pp. 780-781. (In Russian).
- Lanham R.A. (1968) *Handlist of Rhetorical Terms*. Berkley and Los-Angeles.
- Lausberg Heinrich (1960). *Handbuch der Literarischen Rhetorik. Eine Drundlage der Literaturwissenschaft*. München: Max Hueber Verlag.
- Ostapenko T.S. (2010) *Cognitive-strategic potential of tautology*. Available at: <https://www.dissercat.com/content/kognitivno-strategicheskii-potentsial-tavtolog> (accessed 01.2012). (In Russian).
- Polyptoton // <https://en.wikipedia.org/wiki/Polyptoton> (accessed 01.2012).
- Quintilian's institutes of oratory or education of an orator*. (1909). London, George Bell and Sons, 474 p.
- Reformatsky A.A. (1967). *Introduction to linguistics*. Moscow, "Obrazovanie", 275 p. (In Russian).
- Vinogradov V.A. (1990). Collectivity. *Linguistic Encyclopedic Dictionary*. M.: Sovetskaya Enziklopedia, pp. 472-473. (In Russian).

Georgy G. Khazagerov (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Russian Polyptoton: Grammatic Form and Rhetorical Content

The article uses a narrow understanding of polyptoton (repetition of a word in different cases), which goes back to classical rhetoric. This allows to consider the specifics of the polyptoton in the Russian language with its developed case system. The Russian polyptoton can be reduced to four

types. We distinguish an intensive polyptoton, an extensive polyptoton, a contrasting polyptote and a descriptive set type. All these types express the category of plurality in different ways.

A good example of intensive polyptoton is biblical phrases like “song of songs”. Such a polyptot is called a genitive superlative. There is also a way of expressing superlativeness in Russian with the help of the instrumental case like *дурак дураком*. Intensive polyptoton can also express the meaning of reflexivity: *слово о словах, каталог каталогов*.

The extensive type of polyptote coincides with a figure called an epimone. Unlike the other three types of polyptoton, it is not associated with binomials and can form a rather long row with a word in different cases.

The contrasting polyptoton is the antithesis within one word, as in the Latin proverb: *homo homini lupus est*.

Polyptoton describing a set - a phenomenon not yet studied in Russian grammar.

The Russian polyptoton is interesting in that it manifests itself in different inflections. Therefore, the widespread understanding of a polyptoton as a repetition of words with one root is not relevant for the Russian language. Russian polyptoton is as far as possible from paranomazia, pun. Its grammatical nature is strongly expressed.

Key words: *case, plural, polyptoton, rhetoric, grammar*

Сведения об авторе / Information about the author

Хазагеров Георгий Георгиевич – докт. филол. наук, профессор кафедры русского языка Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону, Россия. Тел.: 8 903-403-62-24; e-mail: khazagerov@gmail.com

Georgy G. Khazagerov – grand Ph.D. of Philology, professor. Institute of Philology, Journalism and Cross Cultural Communication. Southern Federal University. Rostov-on-Don, Russian Federation. Phone: 8 903-403-62-24; e-mail: khazagerov@gmail.com

---

Статья поступила в редакцию 05.02.2021, принята к публикации 15.04.2021.
The article was submitted 05.02.2021, accepted for publication 15.04.2021.